

Обзорная статья

УДК 316.35

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-59-65

Направления и перспективы исследований социологии молодежи в условиях трансформации российского общества

Александр Сергеевич Терехин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

Санкт-Петербург, Россия, alex_terekhin07@mail.ru

Аннотация. В статье охарактеризованы основные этапы, концептуальные направления и перспективы развития социологии молодежи в России. На базе анализа ряда актуальных исследований сделан вывод о необходимости изучения интернета и социальных сетей как наиболее перспективного объекта рассмотрения в контексте социологии молодежи.

Ключевые слова: социология молодежи, трансформация, концептуальное развитие, теория поколений, интернет

Для цитирования: Терехин А. С. Направления и перспективы исследований социологии молодежи в условиях трансформации российского общества // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 59–65. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-59-65>

Review article

Directions and prospects of researching the sociology of youth in the conditions of transformation of Russian society

Aleksandr Sergeevich Terekhin

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia,

alex_terekhin07@mail.ru

Abstract. The article examines the main stages, conceptual directions and prospects for the development of the sociology of youth in Russia. Based on the analysis of a number of relevant studies, it was concluded that the study of the Internet and social networks as the most promising object of consideration in the framework of the sociology of youth.

Keywords: sociology of youth, transformation, conceptual development, generational theory, internet

For citation: Terekhin A. S. Directions and prospects of researching the sociology of youth in the conditions of transformation of Russian society. *Sociology and Law. 2022;14(1): 59-65. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-1-59-65>*

Социология молодежи представляет собой активно развивающуюся отрасль социологического знания, имеющую в своей основе широкую базу эмпирических и теоретических исследований. Молодежь, то есть объект изучения данной науки, выступает в качестве одной из тех социальных групп, активная деятельность которых, как правило, служит детерминантой масштабных социальных трансформаций.

Сегодня российская молодежь, ее деятельность в социальном пространстве по-прежнему относится к ряду ключевых факторов социальных изменений, как следствие, представляя собой один из наиболее перспективных объектов социологического анализа. Тем не менее общественные трансформации, обусловленные в первую очередь ускоренным развитием информационных технологий, а также значительный уровень включенности молодежи в использование этих технологий позволяют заявлять о необходимости выработки принципиально новой методологии в рамках исследований молодежи. Указанной проблеме посвящены работы Ю. А. Зубок, В. И. Чупрова [1], В. А. Лукова [2], Т. А. Лебедевой, А. А. Субботина [3].

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки парадигмы изучения молодежи, адекватной социокультурным реалиям информационного общества. Следует отметить, что, по нашей оценке, разработка упомянутой единой методологической парадигмы характеризуется как комплексный процесс, который может продолжаться в течение длительного периода. Для выделения наиболее перспективных отраслей социологических исследований молодежи, которые проводят в настоящее время, следует составить ретроспективу развития данной отрасли социологического знания, от момента зарождения к актуальному периоду.

Отправной точкой развития молодежной проблематики в отечественной социологии принято считать работы П. Сорокина, в частности его труд под названием «Кризис современной семьи». Оценивая состояние института семьи на рубеже веков и в начале XX в., исследователь делает ряд обоснованных выводов, в том числе о влиянии изменения ценностных ориентаций молодежи на институт семьи. Кроме того, в рамках исследования П. Сорокин приходит к выводу о важности образовательных учреждений как института социализации подрастающего поколения [4, с. 38].

После революционных событий октября 1917 г. и начала построения советского государства в социологии органически сформировалась новая повестка, требовавшая рассмотрения и проблем советской молодежи. Эти задачи, по оценке В. В. Семеновой, носили прикладной характер; основной целью советского государства в отношении молодежи было создание принципиально новой системы образования, способной формировать молодежь как строителей новой социальной реальности. В соответствующий период исследования по социологии молодежи особенно тесно переплетаются с исследованиями по социологии труда. В фокусе социологических исследований при этом находятся и проблемы идеологического воспитания, поиска подходов к формированию личности представителей молодого поколения [4, с. 114].

Следующий период повышения интереса исследовательского сообщества к молодежной проблематике — середина 1930-х гг. В указанный период первое поколение молодежи, воспитанное при советской власти, вступает во взрослую жизнь. В центре внимания оказываются ценностные ориентации молодежи, а также ее образовательный уровень. Специфика научного дискурса рассматриваемого периода определялась прежде всего становлением тоталитарного государства. Тем самым молодежь воспринимали как объект направленного воздействия государства, продукт его производства; государственные институты в сформировавшейся парадигме представляли основными институтами социализации молодежи. При этом наблюдается очевидный рост образовательного уровня советской молодежи по сравнению с дореволюционным периодом; построенная в указанный период система школьного, среднего и высшего образования показывала высокие результаты. В фундаменте полу-

ченных результатов, помимо прочих факторов, находилась выстраиваемая советскими учеными система профессиональной ориентации.

Первое десятилетие после Великой Отечественной войны характеризуется своеобразной «паузой» в исследовании молодежи. Социально-политическая трансформация советского общества, начавшаяся после смерти И. В. Сталина в 1953 г. и доклада «О культе личности и его последствиях» 1956 г. обусловила начало нового витка в культурной жизни СССР. Изменения отражены и на социальных науках [5, с. 231–233].

Становление социологии молодежи как самостоятельной дисциплины в мировой науке приходится на 1960-е гг. По оценке В. В. Семеновой, ведущим фактором активизации исследований, объектом которых становилось молодое поколение, стала публикация трудов К. Мангейма и М. Мид. Для рассматриваемого периода характерен особый интерес к общественному мнению, а значит, нельзя утверждать, что в центре новых тенденций развития «марксистского обществоведения» находилась только молодежь. Тем не менее период 1960-х гг. отличается активным изучением феномена общественного мнения — значительный вклад в институционализацию социологии молодежи на данном этапе сделали Л. Н. Коган, Б. А. Грушин. Помимо этого, молодежная проблематика находит отражение в трудах В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова, посвященных вопросам труда на предприятиях. В качестве важнейшей категории исследований анализируемого периода следует упомянуть труды В. Т. Лисовского, В. Н. Шубкина и Б. Ц. Урланиса, объектом рассмотрения которых выступили особенности жизненного пути различных поколений, представленных в советском обществе. Упоминания заслуживают также лонгитюдные исследования М. Титмы, наиболее существенной особенностью которых было внимание ученого к региональной специфике, стремление выявить уровень дифференциации в особенностях социальной мобильности среди жителей географически отдаленных друг от друга регионов СССР [5, с. 321].

Итак, именно в 1960–1970-е гг. советская молодежь перестала рассматриваться наукой как пассивный объект воздействия социальных институтов — в первую очередь государства — и стала рассматриваться как активный и деятельный субъект социальных отношений. Общественное мнение молодежи применительно к социально значимым событиям и явлениям, ценностные ориентации, подход к выбору профессии и последующему труду — все перечисленные характеристики социально-психологических процессов, связанных с молодежью, стали воспринимать как наиболее значимый объект изучения. Вследствие этого представляется возможным характеризовать описанный поворот дискурса как своеобразную смену парадигмы оценки учеными советской молодежи.

В контексте изучения советской социологии молодежи 1960–1970-х гг. нельзя не обратить внимание на исследования В. Н. Шубкина, посвященные ориентациям молодежи при выборе профессии; исследования проводились в Новосибирске, позднее — в Москве. Именно благодаря исследованиям В. Н. Шубкина социология молодежи стала оперировать такими понятиями, как престиж профессии, профессиональный выбор, потребность общества в кадрах и т. д. [6].

Особое место в социологии молодежи 1970-х гг. занимают исследования И. С. Кона, представителя ленинградской школы социологических исследований. Круг научных интересов исследователя крайне широк; ученый популяризировал в среде советских социологов работы Дж. Колемана, С. Эйзенштадта, Э. Эриксона и других. В фокусе внимания И. С. Кона находилась не только советская молодежь, но и западная; его исследования «студенческой революции» 1960-х гг. позволили советским исследователям проводить определенные параллели между

развитием молодежи в капиталистических странах и СССР [5, с. 499]. Наряду с ограниченно плюралистическим характером развития социологии молодежи в СССР в анализируемый период следует учитывать и иное направление научной мысли. По данным, приведенным М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги, ряд исследований направлен на поиск новых способов директивного воздействия государства на сознание молодежи, более эффективных способов пропаганды и прямого формирования личности, отвечающей требованиям советского строя.

Направление социологических исследований молодого поколения в целом не изменилось к началу «перестройки». Между тем изменения произошли в сознании молодежи: накопившиеся за период «застоя» объективные социальные противоречия отражались в опросах общественного мнения, активно проводившихся в указанный период. Исследования второй половины 1980-х гг., по оценке В. В. Семеновой, носили сугубо прагматический характер; фундаментальные исследования ценностных ориентаций данной социальной группы отошли на второй план, уступив место исследованию острых социальных проблем — материального состояния и социальной защиты, бездомных, потребительского поведения граждан и т. д.

Выявленная тенденция развития социологии молодежи была центральной в данном разделе социологической науки и в 1990-е гг. Значительная часть исследований последнего десятилетия XX в. посвящена болезненным трансформациям советского и российского общества, которые можно отнести не только к молодежи, но и к иным социальным слоям.

Особенности современной социологии молодежи, по оценке Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, обусловлены продолжением трансформационных процессов российского общества, в частности его информатизацией. Исследователи отмечают ряд проблем российской молодежи, делающих ее изучение особенно актуальным. К первой группе проблем относится неопределенность возможностей реализации потенциала данной категории населения; вторая группа проблем связана с конфликтом поколений и отсутствием понимания устремлений молодежи со стороны широких слоев общества, ее ценностных ориентаций; отсутствие «усредненного портрета» молодого человека в сознании старшего поколения. Наконец, третья группа проблем вызвана необходимостью смены методологической парадигмы социологии молодежи в связи с переходом к информационному обществу и изменениями, происходящими в социальной реальности в целом [1, с. 231]. Для российской социологии молодежи сегодня характерен субъектный подход, то есть социальная группа воспринимается, скорее, как активный субъект социального процесса, своими действиями формирующий социальную реальность, нежели как объект воздействия со стороны социальных институтов. Становится очевидным, что Ю. А. Зубок и В. И. Чупров характеризуют молодежь как самоорганизующегося полисубъектного актора.

Перспективные направления исследований молодежи обусловлены характером трансформационных процессов в нашем обществе. Представляется возможным выделить четыре главных направления трансформаций:

1. Комплекс поколенческих трансформационных процессов, связанный с превращением юношей и девушек, рожденных после 2000 г., в полноценных социальных акторов.
2. Комплекс трансформационных процессов, обусловленных переходом России к информационному обществу.
3. Комплекс социально-политических процессов, в рамках которого молодежь выступает основным актором запроса на перемены.
4. Пандемия COVID-19 как фактор, оказывающий влияние на все перечисленные процессы.

Первый из перечисленных социальных процессов описан в ряде исследований, теоретической основой которых прежде всего выступает теория поколений У. Штрауса и Н. Хоува. Из данной категории следует выделить исследования В. В. Радаева, делающего вывод о протекании в России процесса фундаментальной трансформации социальной реальности в связи с естественной сменой поколений [7]. Так, поколение миллениалов, рожденных в 1980–1990-е гг., превращается в группу основных социальных акторов, а поколение Z, рожденное после 2000 г., начинает играть все более активную роль в жизни российского общества. Таким образом, социально-демографические исследования поколенческой динамики представляют собой одно из перспективных направлений в рамках изучения социологии молодежи.

Общие характерологические черты так называемого поколения Z — нынешней студенческой молодежи — часто становятся объектом социологических и психологических исследований. По мнению Т. А. Лебедевой и А. А. Субботина, определивших указанное поколение как «цифровое», характер действий представителей этого поколения в социальной реальности обусловлен в первую очередь глубокой включенностью представителей данного поколения в использование социальных сетей и других способов интернет-коммуникации [3].

Характер поведения молодежи в интернет-пространстве и мультимедийное пространство в целом — особенно актуальные объекты рассмотрения социологической науки. К. В. Кузнецова выделяет блогеров в качестве категории интернет-акторов, оказывающей наибольшее влияние на ценностные ориентации молодежи [8]. С. Г. Землянухина описывает интернет как фактор, формирующий отдельную социальную реальность с иными основами социокультурных коммуникаций. В качестве отдельного риска исследователь выделяет расширение маргинальной группы молодых людей 15–24 лет, представители которой не имеют места учебы или работы, не включены в социальное производство. Их деятельность сводится прежде всего к имитации наличия социальной жизни, что выражено в определенном характере самопрезентации в социальных сетях [9].

А. К. Кожевников и В. А. Масликов на основании метаанализа зарубежных и отечественных эмпирических исследований влияния интернета на формирование ценностных ориентаций молодежи резюмируют, что интернет предстает в качестве эмансипирующего фактора, независимо от характера культуры государства, в котором он используется. Молодые пользователи интернета в связи с широким доступом к разнообразным учебным, публицистическим и развлекательным материалам развивают в себе навык к самостоятельному осуществлению выбора потребляемого контента, что влечет за собой развитие эмоционального индивидуализма, усвоение соответствующих ценностей. По оценке исследователей, большая часть отечественных ученых склонна оценивать влияние интернета на формирование ценностных ориентаций молодежи негативно, однако авторы отмечают недостаточное количество эмпирических исследований для подтверждения соответствующих выводов [10].

Исследования интернета и социальных сетей представляют собой еще одно перспективное направление исследований молодежи. В частности, пандемия COVID-19, один из существенных краткосрочных факторов социальных изменений в современной России, в контексте рассмотрения проблем молодежи оказывает влияние в первую очередь на характер взаимодействия индивидов друг с другом. Значительная доля учебы, работы и иных занятий, подразумевающих социальные интеракции, перенесена в интернет-пространство, что уже оказывает существенное, преимущественно негативное влияние на социализацию молодежи. Например, студенты, вынужденные обучаться дистанционно, жалуются на падение

своей мотивации и результативности учебы, что выявлено в рамках эмпирического исследования, проведенного нами во второй половине 2020 г. [11].

Перспективным направлением исследований молодежи представляется рассмотрение указанной категории как актора в социально-политическом пространстве. Так, Д. А. Огородов отмечает, что, несмотря на миф об аполитичности российской молодежи, именно она служит основным актором запроса на институциональные перемены в современной России [12]. Указанные изменения, по мнению А. В. Селезневой и Д. Е. Антонова, обусловлены доминированием в сознании молодежи постматериалистических ценностей — свободы самовыражения и творчества, что, в свою очередь, сказывается на особенностях политического участия молодых людей, слабо интересующихся электоральными процессами, но активно участвующих в функционировании институтов гражданского общества [13]. Социально-политический климат России и роль молодежи в динамике развития данных сфер жизни общества можно признать важным объектом изучения в рамках социологии молодежи.

Таким образом, трансформации российского общества, обусловленные прежде всего его активной информатизацией и дигитализацией, открывают широчайшие возможности для исследований в рамках социологии молодежи. Представляется, что формирование параллельной социальной интернет-реальности должно повлечь за собой начало принципиально нового этапа развития социологии молодежи, имеющей в своем инструментарии сформированные методы, направленные не только на анализ привычной социальной реальности, но и на изучение интернет-пространства.

Список источников

1. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социология молодежи. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2009. 322 с.
2. *Луков В. А.* Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 5–16.
3. *Лебедева Т. В., Субботин А. А.* Цифровое поколение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 985–995. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-985-995
4. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 696 с.
5. *Горшков М. К., Шереги Ф. Э.* Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
6. *Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н.* Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М.: Мысль, 1985. 240 с.
7. *Радаев В. В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
8. *Кузнецова К. В.* Влияние интернета на формирование ценностей молодежи // Форум молодежной науки. 2020. № 3. С. 20–25. DOI: 10.35599/forummn/01.03.04
9. *Землянухина С. Г.* Факторы формирования системы ценностных ориентаций российской молодежи // Гуманитарный научный журнал. 2020. № 1. С. 59–67. DOI: 10.24411/2078-9661-2020-10009
10. *Кожевников А. М., Масликов В. А.* Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 149–158.
11. *Терехин А. С.* Влияние дистанционного обучения на мотивацию студентов бакалавриата // Социология и право. 2020. № 4. С. 65–69. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-4-65-69
12. *Огородов Д. А.* Запрос на политическое участие, или миф о политическом абсентеизме молодежи (по данным социологического исследования) // Вестник Российской международной академии туризма. 2020. № 3. С. 26–33.

13. Селезнева А. В., Антонов Д. Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. DOI: 10.17223/1998863X/58/21

Информация об авторе

А. С. Терехин — аспирант кафедры управления персоналом; 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32а.

Information about the author

A. S. Terekhin — Postgraduate Student of the Department of Personnel Management; 30–32 Griboedov Channel Emb., St. Petersburg 191023, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 24.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 22.03.2022.